

Свобода для реалиста

Александр Лазарев-младший: «Надо все время тренировать душу» *Культурная жизнь — 2005 — 25 фев. — с. 13*

Елена Кутловская

Александр Лазарев-младший (р. 1967) дебютировал в кино в 1993 году — это был фильм Александра Хвана «Провинциальный бенефис». Сегодня Александра Лазарева знают все. Ведущий актер «Ленкома» много снимается в кино и телесериалах. Диапазон его ролей широк: он играл Клавдия в «Гамлете» и Ганю Иволгина в «Идиоте», предстал в образах безумного маньяка («Умирать легко») и человека чести, сознательно идущего на гибель («Честь имею»). А для нового фильма Юлия Гусмана «Парк советского периода» вжился в роль тележурналиста. Александр Лазарев виртуозно владеет разными жанрами, ему одинаково хорошо даются и трагедия, и комедия. Он резкий, нервный, импульсивный актер. А для большей части женской аудитории — просто красивый человек. Скоро зрители увидят Александра Лазарева в роли легендарного летчика Чкалова. Кстати, как он сам рассказывает, Валерий Чкалов ухаживал за его бабушкой по отцовской линии... Напомним, что Александр — сын замечательных актеров: Александра Лазарева и Светланы Немоляевой.

— Александр, вы впервые вышли на сцену в 12 лет. Это была роль Феи в спектакле Театра имени Маяковского «Леди Макбет Мценского уезда». Позже вы не раз говорили, что испытывали безумную жажду игры. Откуда такое чувство у подростка?

— Это чувство, наверно, было генетически обосновано. Все-таки у меня мама и папа — артисты. Понимаете, когда где-то глубоко внутри тебя живет свойство что-то изображать — это и есть та самая жажда к лицедейству, с которым ты еще не знаком.

— А не страшно было впервые выходить к зрителю?

— Первый раз было не страшно, а уж потом...

— Почему потом стало страшно?

— Потому что я второй раз опозорился очень сильно (смеется). Напутал все: не там и не тогда упал, забыл слова — ужас! Дело было в Чехословакии. В те годы

Александр Лазарев-младший: «Актер — это талант, помноженный на степень свободы».

Фото Артема Чернова (НГ-фото)

гастроли за границей — это было событие, от которого взрослый человек мог с ума сойти, а уж ребенок и подавно! Мне было радостно, что я — за границей, рядом папа с мамой, к тому же вечером я выходил на сцену! Папа предлагал мне меньше развлекаться и больше сосредоточиться на деле. Я не внял его словам и продолжал веселиться как ребенок — но я действительно был ребенком. Результат оказался плачевным, я попросту запутался в роли и вот уже после этого стал серьезно относиться к подмосткам. То есть мне стало страшно, потому что я начал понимать правила существования в театре: надо не просто что-то делать на сцене. Надо это еще и хорошо делать.

— До вас роль Феи исполнял Антон Табаков, который, как позже выяснилось, лицедействовать не очень любил. Ему больше нравилось, что за игру платят деньги, на которые он потом может сходить в ресторан!

— Вот и результат! Он теперь — модный ресторатор!

— Вам ведь тоже деньги платили?

— Да, но для меня это было совершенно несущественно, по крайней мере тогда...

— Актерская профессия позволяет мужчине зарабатывать столько, чтобы обеспечить приличную жизнь семье?

— В театре мы ничего не зарабатываем! А вот в кино стали сейчас платить хорошие деньги.

— Бизнесом не занимаетесь?

— Все время мечтаю, стараюсь — ничего не получается. Я оказался в этом смысле совершенно бездарным.

— А если последовать примеру Антона Табакова и стать ресторатором?

— Ой! Ресторан — это вкусно, плумно и очень прибыльно! Так хочется этим заняться, но ничего не получается! С другой стороны, я боюсь потерять свою профессию. Вылететь из обоймы. Для актера очень важен регулярный тренаж. Когда ты тренируешь не только свое тело, свою фантазию, но еще и душу, чтобы она звучала... У души ведь тоже есть свой звук, она не безмолвствует, когда ты на сцене! Если перестать тренироваться — душа окаменеет, очерствеет, и надо будет заниматься только стройками или деревья пилить! А мне хорошо в своей профессии, это мой дом!

— Вы сыграли почти тридцать ролей в кино — цифра внушительная.

— Я очень люблю кино. Меня долго вообще не снимали, и это довольно сложно для актера. Моя мама впервые начала сниматься, когда ей было сорок лет, — она сыграла в «Служебном романе». А до этого — тысяча крохотных эпизодов. Но надо любить профессию так, как любит ее мама, она готова выходить на сцену всегда и везде. Даже очень больной, с температурой. И до сих пор ни на грамм не разочаровалась в том, что делает.

— А вы также любите свою профессию?

— Я менее стойкий, чем мама. По крайней мере с высокой температурой я скорее всего не выйду на сцену.

— Может быть, стоило не размениваться на средние работы в кино, а дожидаться, например, роли Гани Иволгина?

— Хотелось сниматься, поэтому соглашался на все, что предла-

— Режиссер — всегда диктатор?

— Режиссура, безусловно, предполагает диктат. У некоторых постановщиков он едва заметен, и они мягко, даже хитро идут к цели, направляя актера в нужную сторону так, что актер даже и не замечает этого. А есть такие режиссеры, которые начинают просто грубо давить, и, насколько я заметил, такое грубое давление к успеху не приводит.

— Самому стать режиссером не хочется?

— Нет, я этого не умею. Иногда помотришь хороший фильм и подумает: эх, как бы я это снял! Но не хватает у меня внутренней режиссерской жилки!

— Чтобы достичь искомого результата, вы пашете денно и нощно или вам все дается без особого труда?

— Я не могу сказать, что я пахарь! Но и не могу сказать, что у меня

Мечтаю заняться бизнесом — ничего не получается

Кстати, когда меня долго не брали на главные роли, я уже решил, что в моей жизни кино не будет, а если и выпадет шанс, то к тому моменту я уже зажмусь так, что не смогу его использовать.

Ведь это сильно влияет на психику: тебя сначала долго не берут в кино, потом ты, наконец, снимаешься, но фильм — неудачный. И когда в очередной раз режиссер на пробах попросит: сделайте «то-то», окажется, что за тобой тянется огромный шлейф неудач и ты уже не можешь даже простого актерского задания выполнить, а тем более сложного! Что такое актер? Это талант, помноженный на степень свободы. Сюда входит и успех. Но главное — творческая свобода, потому что когда ты свободен, открываются такие невиданные дали, простите за банальность. Ты начинаешь буквально фонтанировать творческой энергией!

— Режиссерская воля «сверху», давление коллег «сбоку»... При таких условиях свобода возможна?

— Возможна. Я могу и надавить на режиссера. И даже доказать ему свою правоту.

все «на раз» получается! Я что-то среднее между этими двумя вещами. Хотя в родном театре нас пахать заставляют! Актерский труд только на первый взгляд такой сладостный, а на самом деле он тяжкий. Ни на дом, ни на семью тебя не хватает. Дом завален и запущен!

— Но в целом вы — успешный человек?

— Для меня успешный человек тот — кто суперспокоен, кто имеет кучу денег и делает что хочет! На преуспевающих людях, как правило, виден толстый налет покоя, сытости. Для художника подобное невозможно! Набить карманы и почитать на лаврах — это смерть для артиста. Но честно скажу — и мне не чужда жажда прибыли. Все мы стремимся к достатку, но достигаем его разными способами.

— По-моему, актерская профессия — один из самых честных способов заработка. Взятки и воровство здесь исключены.

— И слава Богу! Иначе душа отмирает, и человек не может играть! Все — умер для сцены!

— А вы до сих пор испытываете такое же желание играть на сцене, как в 12 лет?

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 14

Свобода для реалиста

Независимая. - 2005. - 25 февр. - с 13-14

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13

– Нет, я очерствел... В таком климате живем!

– **Того и гляди, дождем хватит?**

– А то и снегом! Кстати, я очень люблю рассматривать географические карты. А недавно дочке глобус купил, стал искать, где мы находимся. И ужаснулся! Мы почти на Северном полюсе...

– **Скажите, а солгать вы можете?**

– Могу проспать в театр и сказать, что заболел... (*Хитро прищуривается.*) Думаете, я вам сейчас всю правду о себе буду рассказывать? Нетушки!

– **Если бы вы узнали из прессы что-то невероятное о себе?**

– Такого быть не может!

– **Но такое в России бывает. Недавно известный продюсер артхаусного кино Сэм Клебанов услышал, что он – компьютерный вирус!**

– (*Смеется.*) Жаль, что я не знаю, кто такой Сэм Клебанов! Да я вообще никого не знаю! Честное слово! Меня жена за это ругает. Я вижу знакомое лицо, тут же, как воспитанный человек, говорю «здравствуйте», прохожу мимо и тут же спрашиваю у жены «а кто это?». Но это не со зла, клянусь! Я помню лицо человека, осознаю, что мы знако-

мы... но при каких обстоятельствах?

– **Как же вы роли учите, огромное количество текста надо помнить?**

– Наверное, это и вымещает все остальное! А с другой стороны, представляете, я долго играл Клавдия в «Гамлете». И с трудом помню только первую часть первого монолога. Все! Организм так настроен. Вот мой отец, например, все свои старые роли помнит, а у меня все «в трубу» вылетает.

– **Вы верите в плохие приметы?**

– К сожалению, я суеверен. Хотя, как человек, верующий в Бога, понимаю, вера и суеверие – вещи несовместимые.

– **Вас не смущает, когда вам говорят, что истина одна – это Бог!**

– Абсолютно не смущает. Я уверен в этом. (*Смеется.*) Ну, может быть, истина еще и в вине?!

– **Вы не производите впечатления истинного христианина?**

– Не произвожу, к сожалению. И в церковь почти не хожу, времени нет...

– **Такое возможно для верующего?**

– Такое невозможно, но что делать? Я верю и не причащаюсь. Но как стало возможно, что все, кто раньше сидел в полит-

бюро, – дружно пошли в начале девяностых в церковь и стали с постными лицами отстаивать перед камерами все службы? Я же родился на рубеже веков и эпох! Помню, как все эти новообращенные христиане под красными знаменами шагали и утверждали, что Церковь – зло, а через год сами усердно молились. Как, скажите, таким людям можно было поверить?

– **Но мы поверили?**

– Поверили. Хотя все мы знаем, что непоследовательность – ужасная черта. Невозможно, когда человек говорит одно, а потом заявляет, что передумал.

– **Наверное, вы тоже в свое время искренне хотели стать пионером?**

– Никогда! Я знал, что меня без этого в институт не возьмут. Это был прагматизм. Как же загадили нам мозги в Советском Союзе! Вспомните, какие узкие были коридоры, по которым двигался советский народ? Мы же все жили в рамках, от которых и тело, и душу сводило!

Последовательность: октябренок, пионер, комсомолец, институт. Не октябренок – не пионер, не пионер – не комсомолец, не комсомолец – не в институт, а в дворники! И сколько же было вранья?! Да... (*Машет рукой.*) А сейчас власть «золотого

тельца», не знаю, лучше это или хуже?

– **Вы пессимист?**

– Нет, я скорее реалист! Я знаю, что гладкой дорожки не бывает, что жизнь – ломает!

– **Но вас еще не сломала?**

– Откуда вы знаете, что со мной было и какие у меня проблемы?! Внешне я, наверное, и представляю собой некий успешный «образ». Широкая улыбка и белые зубы – это для глянцевого журналов! А жизнь у меня – самая обычная, человеческая. Актеры же не из другого теста слеплены?

– **Вам симпатично умение американцев создавать такие резервации счастья, как Диснейленд или Голливуд? Ведь само произведение Голливуда призвано убедить людей, что актеры сделаны из другого теста!**

– Фабрика грез – это здорово! Но Дастиг Хофман семь лет работал официантом, прежде чем сыграл свою первую роль. И ни о какой фабрике грез даже не помышлял! Да, голливудские звезды сегодня имеют миллионы долларов, но каким путем им все это досталось? А с другой стороны, чем Москва не Голливуд по отношению к остальной России? Если отъехать на 50 километров от столицы – там же у людей вообще другие проблемы! Зайдите в любой московский ресторан и посмотрите счет

на компанию из четырех человек. За полтора часа в ресторане москвичи тратят такое количество денег, которое люди в провинции тратят в месяц. Хорошо это или плохо – не нам судить. Но это так. В нашей стране самая несчастная старость! И это позор для тех, кто заседает в Госдуме и в Доме правительства! И в этом смысле они тоже живут в какой-то резервации, им неведомо, что за пределами Садового кольца. Весь мир путешествует, львиная доля туристов – это пенсионеры. Они могут себе позволить съездить на приличный курорт. А у нас, посмотрите на стариков? Они что себе могут позволить?! Бабушка моей жены вкальвала на заводе всю свою жизнь! И если бы сейчас не ее дети – она бы кончила жизнь в полной нищете! А у кого таких детей нет? Что им делать? Не надо врать себе и другим, что кто-то из наших стариков счастлив! Один процент?! Противно смотреть, как наше правительство уверяет, что социальные проблемы их волнуют, но при этом они ни черта не делают, чтобы как-то изменить жизнь! И мы обязаны эту тему муссировать, чтобы публично позорить тех, кто у власти! Пусть кто-то скажет, ну вот «погавкал» Лазарев, а сам-то... Ну и пусть скажут! И я тоже скажу – мне стыдно за страну, в которой так живут старики!